

Когда Морис вышел из здания Федерального правительства, на город уже опустились сумерки. Стрелки часов приближались к восьми вечера. На генерале был новый, сшитый на заказ мундир — длинная шинель серо-голубого цвета, которая кое-как скрывала округлившийся живот. Но стоило сесть в машину, как его положение становилось очевидным: за последние две недели живот заметно попросился.

Морис устало помассировал ноющую поясницу. С каждым днём вынашивать ребёнка становилось всё тяжелее. Прежняя лёгкость исчезла: теперь он не мог, как раньше, просидеть за рабочим столом целый день, ни на что не отвлекаясь.

Сейчас ему приходилось даже сидеть, слегка разведя колени — удручающая неуклюжесть, с которой он меньше всего желал мириться.

К счастью, основные дела на службе удалось уладить, и теперь можно было часть времени работать из дома.

Морис постучал пальцами по лбу, прогоняя скопившуюся в глазах усталость, сделал глубокий вдох и направил машину в сторону района Эрато.

Эрато считался самым престижным уголком Эвиду. Здесь издавна селилась политическая элита. Роскошные особняки стояли в километре друг от друга, утопая в густой зелени вековых деревьев, что надёжно защищало покой владельцев от чужих глаз.

Их новое семейное гнездо располагалось на улице Криус. Пологие склоны вокруг были засажены можжевельником, красными соснами, плакучими яблонями и прекрасными розами — символом города Эвиду.

Но стоило Морису припарковаться и зайти в тихий двор, как в груди шевельнулась тревога: окна пустого дома зияли холодной, безжизненной темнотой. Ни единого огонька.

* «Его нет дома? Но куда он мог уйти? Почему до сих пор не вернулся?»*

Внезапное беспокойство тисками сжало сердце, начисто лишив генерала привычного самообладания. Морис прибавил шаг, на ходу доставая из кармана коммуникатор.

Раздалось несколько длинных гудков, но трубку никто не взял.

Морис нахмурился. Сгорая от тревоги, он поспешно открыл входную дверь — и замер на пороге в полном изумлении.

В полумраке гостиной прямо от его ног тянулась дорожка из ярко-алых свечей. Они горели ровными рядами по обе стороны, оставляя узкий проход как раз для одного человека. Свечной путь вел через всю комнату и скрывался за поворотом. В доме царил тёплый, живой полумрак;

все окна были плотно зашторены — очевидно, ради секретности.

* «Что он задумал?...»*

Морис заметил, что свечи перекрывали даже проход к вешалке у порога, вынуждая идти строго по светящейся тропе. И сердиться глупо, и смешно. Площадь особняка была огромной, и чтобы расставить эти ровные ряды, Хань Цзину наверняка пришлось возиться не один час.

Рядом на подставке сияла небольшая электронная доска с яркой цветной надписью: «Любимый, в темноте ничего не видно, смотри под ноги!» И внизу красовался уморительный подмигивающий смайлик.

Морис невольно улыбнулся.

Он медленно пошёл вперёд между мерцающими огоньками. Ровное пламя свечей мягко рассеивало темноту, и на душе у Мориса постепенно становилось удивительно тепло и спокойно.

Он понятия не имел, что приготовил для него Хань Цзин, но его ледяное сердце сейчас плавилось от нежности к этому несносному человеку. В бытность студентом Морису доводилось отвергать безумные ухаживания влюблённых в него девушек, но тогда он не чувствовал ничего, кроме неловкости и вежливого сожаления. Сейчас же кончики пальцев горели от волнения, а пульс заметно участился. Неужели он действительно так сильно волнуется?

У самого поворота обнаружилась вторая табличка: «Впереди ступеньки! Держись за перила и поднимайся осторожно, дорогой!»

Морис тихо рассмеялся и покачал головой. На винтовой лестнице Хань Цзин проявил трогательную заботу: свечи стояли строго по внешнему краю ступеней, а внутренняя сторона была устлана мягким ворсистым ковром, чтобы Морис случайно не споткнулся в темноте.

Наверху огненная дорожка вела прямоком в главную спальню.

Морис приоткрыл дверь. Полог огромной кровати под балдахином мягко колыхался, отражая синеватый свет, льющийся с просторной террасы. В термальной ванне клубился пар; мелкая рябь на воде отбрасывала золотистые блики на мозаичные стены. У самой воды свечи выстроились в форме пылающего сердца.

Морис застыл на пороге. В голове у него стало пусто от избытка чувств, и он даже не заметил, как из-за двери бесшумно выскользнул Хань Цзин и крепко обнял его сзади.

— Знаешь, какой сегодня день? — прошептал Хань Цзин, прижимаясь щекой к его уху.

Горячее дыхание обожгло кожу, заставив Мориса вздрогнуть от внезапной сладостной дрожи. Мысли окончательно спутались. Он честно попытался вспомнить хоть какую-то дату, но тщетно.

— Сегодняшний день ты точно не забудешь, — тихо пообещал Хань Цзин.

Он покрыл поцелуями его шею, словно в отместку за то, с каким неприступным и холодным видом генерал Морис, его верховный главнокомандующий, держался с ним этим утром на службе. Хань Цзин успокоился лишь тогда, когда его партнёр заметно обмяк в его руках, а на бледных щеках проступил румянец.

— Иди сюда, присядь. Я подложу тебе под спину подушку.

Морис послушно позволил усадить себя у деревянных ступеней террасы. Он ловил себя на мысли, что с каждым днём становится всё более беззащитным перед заботой Хань Цзина. Тело, словно под воздействием сладкого яда, отзывалось на малейшее прикосновение, лишая его всякой воли к сопротивлению.

Что с ним происходит?..

Морис нахмурился, погрузившись в свои мысли, и Хань Цзин тут же это заметил.

— Что такое? Плохо себя чувствуешь? — Хань Цзин встревоженно отложил в сторону приготовленный подарок, сел рядом и осторожно положил ладонь на его круглый живот под мундиром, принимаясь мягко массировать поясницу.

— В книгах пишут, что на поздних сроках нагрузка на позвоночник становится невыносимой, и копчик начинает дико ломить. В такие моменты нельзя терпеть через силу, лучше сразу лечь и расслабиться. А месяцев через семь-восемь тебе даже лежать будет тяжело. Придётся мне каждый день делать тебе массаж.

— Ты же у нас классический книжный червь, — Морис слегка расслабился и отбросил маску сурового командира, позволяя себе немного пококетничать. — Силен только в теории, а тут вдруг решил заделаться профессиональным массажистом?

Хань Цзин ответил с абсолютной серьёзностью:

— Я же знаю твой характер. Ты до смерти гордый. Даже если выть будешь от боли, ни за что не подпустишь к себе чужого массажиста. Поэтому я купил два обучающих курса — от базового до продвинутого уровня — и записался в школу для будущих родителей, чтобы набраться практического опыта.

Морис фыркнул, даже не пытаясь скрыть возмущение:

— Если тебе так хочется — ходи сам, а я туда ни ногой.

— Знаю я, что ты не пойдёшь. Ну как, легче стало?

— Да, — тихо выдохнул Морис. Огоньки свечей двоились в его глазах, а на губах играла мягкая улыбка.

— Ты правда собираешься один туда ходить? Не боишься выглядеть глупо? — Морис представил, как Хань Цзин с важным видом сидит среди беременных женщин, изучая дыхательную гимнастику, и не сдержал искреннего смеха.

— Если бы я боялся выглядеть глупо, разве сидел бы я сейчас здесь, обнимая тебя? — улыбнулся Хань Цзин. — Ради тебя я сегодня трудился весь день. Если мои старания заслужили хоть какую-то оценку, награди меня «чмоком-свинкой».

«Поцелуй свинкой» был личным изобретением Хань Цзина. Они не целовались по-взрослому, взасос, а просто складывали губы бантиком и с силой прижимались ими друг к другу. Эта детская шалость родилась из нелепой случайности, но Хань Цзин, заметив смущение Мориса, превратил её в традицию. С тех пор он постоянно выпрашивал этот невинный жест, ласково называя его «чмоком-свинкой».

Морис сердито взглянул на Хань Цзина, но его знаменитый ледяной взор, заставлявший трепетать подчиненных, на возлюбленного больше не действовал.

Хань Цзин крепче обнял Мориса за талию, прекрасно зная, что тот не станет вырываться, оберегая ребёнка. А затем с весёлой улыбкой потянулся к его губам.

Оказавшись в ловушке, Морис посмотрел на это родное, открытое лицо. Разве этот парень похож на будущего отца? В нём до сих пор оставалось столько мальчишеского задора, словно он и не сталкивался никогда с суровыми жизненными бурями.

Поняв, что Хань Цзин не отступит, Морис вздохнул, закрыл глаза и мягко прижался своими губами к его губам, выполняя обещание.

В нежных объятиях Морис окончательно потерял голову. Он до сих пор не мог понять, за что так сильно полюбил этого мальчишку, почему согласился растоптать собственную гордость и выносить его дитя.

Возможно... его пленила именно эта чистая, юношеская искренность? Ощущение, будто он сам вернулся в беззаботные годы юности?

Они целовались всё нежнее, дыхание становилось горячим, но в самый неподходящий момент в животе у Хань Цзина раздалось громкое, отчетливое урчание.

Тот попытался сделать вид, что ничего не произошло, намереваясь продолжить поцелуй, но предательский желудок заурчал вновь, разрушив всю романтику сцены. Хань Цзин неловко замер.

Морис усмехнулся, переплёл свои пальцы с пальцами Хань Цзина и мягко прижал его ладонь к своему округлому животу.

— Чувствуешь? Думаю, она тоже проголодалась. В последнее время она стала на редкость егзой.

Хань Цзин затаил дыхание, вслушиваясь в ощущения. Малышке шёл шестой месяц. Хотя она развивалась куда быстрее обычных детей и часто заставляла Мориса морщиться от дискомфорта, её толчки всё ещё оставались слабыми, и поймать их рукой было непросто.

Не сообразив, что Морис просто спасает его от неловкости, Хань Цзин с чисто математической прямолинейностью склонил голову и припал ухом прямо к его животу, пытаясь расслышать шевеление новой жизни.

Морис мгновенно напрягся. Обычно Хань Цзин лишь обнимал его или ласкал руками, но вот так, прижавшись ухом... Это было впервые.

— Она правда там пихается? — в голосе Хань Цзина зазвучал неподдельный восторг.

Морис придержал поясницу рукой, пытаясь унять дрожь в голосе:

— Доктор Марко говорил, что она унаследовала мою генетику, а значит, будет куда крепче обычных детей. Она очень активная и постоянно меня донимает.

— Ты в последнее время так занят на службе, тебе, должно быть, ужасно тяжело? — Хань Цзин обеспокоенно поднял голову.

Морис мягко улыбнулся:

— Всё в порядке. Она ещё совсем крошечная, но стоит мне погрузиться в работу, как она начинает ворочаться. Успокаивается только тогда, когда я поглажу живот. Словно чувствует мои мысли.

— Какая умница. А ведь ещё пару недель назад ты даже не догадывался, что носишь её под сердцем, — Хань Цзин с сомнением покачал головой, но послушно принялся бережно, круговыми движениями поглаживать его живот. — Тебе легче? Наверное, ты просто слишком сильно переживаешь за неё, вот и реагируешь на каждое движение.

Морис нахмурился. Малышка внутри заворочалась сильнее, словно протестуя против слов Хань Цзина. Не желая продолжать этот интимный разговор, Морис осторожно убрал его руку и перевёл тему:

— Если ты не голоден, то я бы с радостью перекусил. У нас есть что-нибудь поесть?

Хань Цзин тут же засуетился, помогая ему подняться.

Морис недовольно отстранился:

— Я всего лишь беременен, а не тяжело болен. Сам справлюсь.

Но Хань Цзин упрямо придерживал его под локоть — точь-в-точь как Роджер, который так же трясся над Гленном.

— На террасе ступеньки скользкие, а с твоим животом легко потерять равновесие. Сиди спокойно, обопрись на подушку, а я сейчас всё принесу.

«Всё принесу?»

Морис присмотрелся и заметил, что деревянный настил у ванны вычищен до блеска, а за одной из кадок Хань Цзин торопливо прячет коробку размером с большую книгу.

Что это у него?..

Морис посмотрел на клубящийся пар термального источника, на сияющую в воде подсветку, на мерцающие свечи... В голове мелькнула догадка, но он поспешил отогнать её. Та коробка была слишком большой для кольца.

Пока он терялся в догадках, Хань Цзин принёс ужин. Каждое блюдо лежало в изящной посуде из теплоизоляционного фарфора с золочёной каёмкой. Он аккуратно расставил тарелки на ступеньках прямо перед Морисом, выложив из них аккуратное сердце.

Крышки на посуде тоже были выполнены в форме сердечек.

— Специально ради ужина покупал? — Морис, никогда не вникавший в домашнее хозяйство, кивнул на посуду. Забота Хань Цзина тронула его до глубины души.

Когда он поднял первую крышку, его брови удивлённо взметнулись вверх, а в синих глазах вспыхнул тёплый свет.

Блюда были самыми простыми: кисло-сладкие тефтели, тушёная рыба кусочками, свинина с грибами муэр и обжаренные с томатами яйца... Но едва Морис взглянул на них, как сердце затрепетало. Эти блюда снились ему бесчисленное множество раз. Всё в точности как в той иллюзии Атлантиды, под дождём из розовых лепестков... В тот день Хань Цзин приготовил для него этот самый ужин и, дрожа от волнения, сжимал его руку в ожидании ответа.

Всё до единого блюда. Ни прибавить, ни отнять.

Хотя Хань Цзин прекрасно знал об ответных чувствах Мориса — да и общий ребёнок связывал их навек, — он всё равно заметно нервничал. Он молча сидел рядом, его ладони слегка вспотели.

В этот момент за домом с тихим свистом взлетели первые залпы праздничного салюта. Огненные цветы распускались в ночном небе один за другим, осыпаясь на террасу разноцветными искрами и заливая её ярким светом. На душе у Мориса стало так же светло и празднично, как в этом сияющем небе.

— Морис... — Хань Цзин крепко и тепло сжал его руку.

У Мориса дрогнули уголки губ, он едва сдерживал улыбку, глядя, как Хань Цзин со всей торжественностью — и изрядной долей банальности — опустился перед ним на одно колено и протянул спрятанную до этого коробку.

— Я обещаю, что всю жизнь буду оберегать тебя. Наша реальность будет в сто крат прекраснее любой иллюзии Атлантиды, клянусь. Морис... ты выйдешь за меня?

Хань Цзин поднёс его ладонь к губам и нежно поцеловал пальцы:

— Кольцо внутри. Открой коробку, тебе обязательно понравится.

— Какая уверенность, — усмехнулся Морис. Пытаясь скрыть любопытство за напускным спокойствием, он под выжидающим взглядом Хань Цзина приоткрыл таинственную коробку.

Внутри оказалась книга. Изящный альбом.

Морис растерянно перевернул первую страницу и застыл.

Альбом был выполнен с невероятным мастерством. Каждую страницу украшали пышные бутоны роз, выведенные чистым серебром; лепестки мерцали россыпью рубиновой крошки, а листья отливали глубоким зелёным цветом благодаря тончайшим пластинкам из изумрудов.

Посередине страниц шли любительские рисунки. Линии казались слегка неуклюжими — этот

художественный стиль уступал даже сухим чертежам. Но изображённых на них людей Морис узнал мгновенно. Это были они сами. Их жизнь в Атлантиде, горькая разлука, долгожданная встреча на Базе № 9, сияние загадочного кристалла Туаой — всё это Хань Цзин сумел запечатлеть одной непрерывной, плавной линией, связывающей их судьбы.

На пятой странице была запечатлена их поездка в Юрику — этот рисунок получился особенно удачным, явно скопированным с памятной фотографии.

А вот шестая, финальная страница заставила Мориса мгновенно вспыхнуть до кончиков ушей. Он уставился на коленопреклонённого Хань Цзина взглядом, полным праведного возмущения. И о чём только думала голова этого гениального математика?! Он умудрился во всех подробностях нарисовать сцену их страстной близости! На заднем плане красовались два полумесяца планеты Нордик — та самая ночь, когда Морис впервые открыл ему своё сердце, и их души слились воедино... Но как у Хань Цзина только смелости хватило отнести этот набросок ювелирам, да ещё и потребовать, чтобы каждую линию этой постыдной картины вывели чистым золотом?!

Хань Цзин, ничуть не смутившись, протянул руку и указал на две сияющие луны на рисунке:

— А вот это и есть кольца. Я сам разработал эскиз. Ну же, достань их. Нравятся?

<http://bllate.org/book/19677/2006475>